

Коновалов Д. Г. Магистерский диспут: [Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Серг. П., 1908. Ч. 1. Вып. 1: Физические явления в картине сектантского экстаза] // Богословский вестник 1909. Т. 1. № 1. С. 152–167 (2-я пагин.). (Начало.)

Магистерский диспутъ Д. Г. Коновалова.

24 октября 1908 года въ Академіи состоялся магистерскій диспутъ и. д. доцента по кафедрѣ греческаго языка Д. Г. Коновалова. На соисканіе ученой степени магистра богословія имъ было представлено сочиненіе: *„Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Часть I, выпускъ I: Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза, Сергіевъ посадъ, 1908 г.“*

Спеціальныи интересъ къ научной разработкѣ русскаго мистическаго сектантства молодой ученый почувствовалъ въ себѣ еще на студенческой скамьѣ, когда ему пришлось писать семестровое сочиненіе по вопросу о „происхоженіи хлыстовства“. Движимый этимъ интересомъ, онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ тщательно изучалъ русское сектантство по существующей о немъ отечественной и иностранной литературѣ. Кромѣ того, онъ постепенно извлекалъ изъ архивныхъ нѣдръ (окружныхъ судовъ и духовныхъ консисторій Европейской и Азіатской Россіи) и внимательно обследовалъ огромное количество *рукописнаго* матеріала, въ большей части еще никѣмъ ранѣе его не затронутаго. Сознвая всю важность личнаго, непосредственнаго наблюденія надъ религіозной жизнью изучаемыхъ сектантовъ, Д. Г. Коноваловъ въ 1904 году возбуждалъ чрезъ Совѣтъ Академіи ходатайство предъ высшей властью о командировкѣ въ мѣстности, зараженныя мистическимъ сектантствомъ; но это, вполнѣ понятное и для интереса дѣла крайне желательное его ходатайство почему-то не встрѣтило тогда благосклоннаго себѣ приѣма и авторъ *volens-nolens* принужденъ былъ отказаться пока отъ своего намѣренія. Специализовавшись на изученіи религі-

ознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ, неутомимый изслѣдователь вскорѣ убѣдился, что для надлежащаго пониманія этого явленія необходимо обстоятельное знаніе нервныхъ и душевныхъ болѣзней и непосредственное наблюденіе надъ нѣкоторыми категоріями больныхъ. Руководимый такимъ убѣжденіемъ, онъ, по особому ходатайству академическаго Совѣта, поступилъ, въ качествѣ вольнослушателя, на медицинскій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ, въ теченіе 190³/₄ учебнаго года, энергично занимался въ нервной и психиатрической клиникахъ: слушалъ лекціи съ демонстраціями больныхъ, посѣщалъ засѣданія Общества невропатологовъ и психіатровъ, работалъ въ богатѣйшихъ специальныхъ бібліотекахъ, имѣющихся при клиникахъ.

Когда въ 1904 году возникъ вопросъ объ учрежденіи при Московской Академіи особой каѳедры по русскому сектанству, Д. Г. Коноваловъ былъ избранъ Совѣтомъ Академіи въ составъ специальной комиссіи по разработкѣ проекта новой каѳедры. Состоя членомъ этой комиссіи, онъ представилъ на ея разсмотрѣніе подробный проектъ учрежденія при Академіи каѳедры русскаго сектанства. Принятый въ комиссіи, проектъ былъ затѣмъ одобренъ Совѣтомъ Академіи и утвержденъ св. Синодомъ¹⁾. На основаніи его, 16 іюня 1905 года, съ Высочайшаго соизволенія была учреждена при Московской духовной Академіи „особая каѳедра по предмету исторіи и разбора русскаго сектанства“. Тогда возникъ дальнѣйшій вопросъ—о замѣщеніи вновь учрежденной каѳедры. Естественнымъ кандидатомъ на нее, какъ и слѣдовало ожидать, явился г. Коноваловъ. Въ своемъ прошеніи о переводѣ на новую каѳедру, онъ, между прочимъ, писалъ: „Удовлетвореніе Совѣтомъ моей просьбы дало бы мнѣ возможность безраздѣльно заняться предметомъ, къ которому съ давнихъ поръ, еще съ академической скамьи, тяготѣеть мой научный интересъ,—съ полнымъ успѣхомъ завершить уже предпріятыя мною работы по изученію русскихъ сектъ (обширное изданіе „матеріаловъ по русскому сектанству“ и диссертацию о русскомъ мистическомъ сектанствѣ, для вы-

¹⁾ Проектъ напечатанъ въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Москов. д. Академіи за 1904 годъ“, стр. 359—368.

полненія которой я спеціально занимался въ нервной и психіатрической клиникахъ при Московскомъ Университетѣ, собиралъ рукописи, изучалъ секты западной Европы и Америки, работалъ въ бібліотекахъ Москвы и Петербурга) и осуществить программу разработаннаго мною же, принятаго комиссіей и утвержденнаго св. Синодомъ проекта нынѣ учрежденной при Академіи каѳедры „исторіи и разбора русскаго сектантства“¹⁾. Совѣтъ Академіи, прекрасно освѣдомленный о полной правдивости всѣхъ этихъ заявленій, въ засѣданіи 15 сентября 1905 года единогласно постановилъ: „Признавая и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалова единственнымъ, извѣстнымъ Совѣту, кандидатомъ, вполне достойнымъ занять вновь учрежденную каѳедру „исторіи и разбора русскаго сектантства“,—ходатайствовать передъ Его Высокопреосвященствомъ о переводѣ г. Коновалова на означенную каѳедру съ занимаемой имъ нынѣ каѳедры греческаго языка и его словесности“²⁾. Означенное постановленіе, признающее г. Коновалова единственнымъ вполне правоспособнымъ замѣстителемъ каѳедры сектовѣдѣнія, было единогласно принято Совѣтомъ, не смотря на то, что соискателемъ той же каѳедры явился безспорно лучший и наиболѣе образованный изъ современныхъ русскихъ миссіонеровъ — Петербургскій епархіальный противосектантскій миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ.

Такимъ образомъ, г. Коноваловъ далеко *не новичекъ* въ избранной имъ для своей магистерской диссертациі области. Но къ чести молодого ученаго должно отнести, что и послѣ оффициально засвидѣтельствованнаго столь авторитетнаго признанія его научной правоспособности и достаточной подготовленности къ каѳедрѣ сектовѣдѣнія онъ все-же не спѣшилъ съ изданіемъ своей работы, а цѣлыхъ три года терпѣливо и настойчиво продолжалъ собирать и изучать матеріалы для нея, пока, наконецъ, не рѣшился опубликовать первый выпускъ первой части своего широко задуманнаго

¹⁾ См. „Журналы собраній Совѣта Моск. д. Академіи за 1905 г.“, стр. 311—312.

²⁾ „Журналы“ за 1905 г., с. 312. На это ходатайство послѣдовала резолюція: „представить (и представлено) на усмотрѣніе св. Синода“ (тамъ же, с. 356). Каѳедра сектовѣдѣнія при Академіи по настоящее время остается вакантною.

изслѣдованія (см. подробный планъ всего изслѣдованія въ предисловіи къ книгѣ, стр. III—IV), посвященнаго одному изъ интереснѣйшихъ, но вмѣстѣ и труднѣйшихъ вопросовъ—вопросу о религіозномъ экстазѣ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ.

Этотъ первый выпускъ изслѣдованія, являющійся лишь началомъ цѣлой серіи другихъ выпусковъ, Д. Г. Коноваловъ и представилъ въ маѣ 1908 года въ Совѣтъ Академіи для соисканія магистерской степени ¹⁾. Въ засѣданіи 10 іюня того же года Совѣтъ опредѣлилъ передать диссертацию г. Коновалова для разсмотрѣнія и. д. доцента по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола И. М. Громогласову, а вторымъ рецензентомъ Преосвященный Ректоръ Академіи назначилъ профессора по кафедрѣ психологіи П. П. Соколова. Представленные ими оффиціальныя отзывы о книгѣ г. Коновалова были заслушаны и одобрены Совѣтомъ въ октябрьскомъ засѣданіи. Въ своихъ подробныхъ, обстоятельныхъ отзывахъ оба рецензента, отмѣтивъ нѣкоторые, преимущественно, формальныя, методологическія недочеты диссертациі, единогласно признали въ ней исключительныя, высокія достоинства, дающія полное основаніе не только считать ее заслуживающей искомой степени, но и назвать ее „выдающимся трудомъ“, а ея появленіе въ свѣтъ — „научнымъ событіемъ“. Вполнѣ соглашаясь съ лестными отзывами о диссертациі г. Коновалова со стороны оффиціальныхъ рецензентовъ, Совѣтъ Академіи сдѣлалъ постановленіе о допущеніи ея къ публичной защитѣ. По исполненіи всѣхъ дальнѣйшихъ законныхъ формальностей (занесенія отзывовъ въ журналъ Совѣта, отсылки всего журнала подлежащей Епархіальной власти и обратнаго его возвращенія съ благопріятной резолюціей), былъ, наконецъ, точно

¹⁾ Зная выдающуюся научную добросовѣстность г. Коновалова, доходящую до щепетильности, мы склонны даже думать, что онъ и еще нѣсколько промедлил бы съ соисканіемъ степени и, вѣроятно, сразу представилъ бы въ Совѣтъ Академіи оба выпуска первой части своего труда, въ качествѣ магистерской диссертациі, еслибы надъ нимъ не тяготѣло одно чисто внѣшнее обстоятельство—еслибы надъ его головой не висѣлъ Дамокловъ мечъ стараго, но начавшаго дѣйствовать лишь недавно, параграфа академическаго устава, въ силу котораго и. д. доцента, не получившій въ теченіи двухъ лѣтъ со дня избранія на кафедру, степени магистра богословія, теряетъ свои права на занимаемую кафедру.

опредѣленъ и самый день диспута, именно, 24-е октября, вечеромъ. Не лишне, при этомъ, замѣтить, что о днѣ этого диспута, равно какъ и предшествовавшего ему диспута И. М. Громогласова, было сдѣлано нѣсколько публикацій въ различныхъ, наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ Московскихъ газетахъ (см. напр., „Русскія Вѣдомости“ и „Голосъ Москвы“ 1908 г., 22 октября, №№ 254-е).

Диспутъ Д. Г. Коновалова происходилъ въ той-же, что и наканунѣ, первой аудиторіи и приблизительно при томъ же составѣ ученаго собранія, въ общемъ очень внушительнаго и для Посада довольно необычнаго. Открылся онъ въ 6 ч. 45 м. вечера традиціоннымъ прочтеніемъ краткаго *curriculum vitae* магистранта. — *Дмитрій Григорьевичъ Коноваловъ* — уроженецъ Могилевской губерніи, родился 4 октября 1876 года, низшее и среднее образованіе получилъ въ Мстиславскомъ духовномъ училищѣ и Могилевской духовной семинаріи, а высшее—въ Московской дух. Академіи, куда поступилъ первымъ студентомъ въ 1897 году. За время обученія въ Академіи, г. Коноваловъ обращалъ на себя особенное вниманіе своими выдающимися успѣхами въ письменныхъ работахъ: его кандидатское сочиненіе и шесть изъ девяти семестровыхъ сочиненій были отмѣчены исключительнымъ балломъ (5+) и удостоены самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны профессоровъ и тогдашняго Ректора Академіи епископа Арсенія (нынѣ архіепископа Псковскаго) ²⁾. Въ 1901 году г. Коноваловъ окончилъ курсъ Академіи первымъ магистрантомъ, былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ и тогда же единогласно избранъ Совѣтомъ для замѣщенія единственной въ то время вакантной каѳедры греческаго языка и его словесности. Для спеціальной подготовки къ означен-

¹⁾ Смотри, напримѣръ, обширный блестящій отзывъ проф. А. А. Спасскаго о кандидатскомъ сочиненіи г. Коновалова, напечатанный въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Моск. д. Академіи за 1901 годъ“, с. 109—119. Въ заключеніе своего отзыва рецензентъ говоритъ: „Считаемъ долгомъ заявить, что мы еще не встрѣчали такого удачнаго сочетанія талантности, трудолюбія, начитанности и умѣнья орудовать научными приѣмами соединеннаго съ полною самостоятельностью изслѣдованія, какое представляетъ собою рассмотрѣнное сочиненіе г. Коновалова... Надавшее въ теперешнемъ своемъ видѣ, оно составило бы честь русской наукѣ“.

²⁾ Отчетъ напечатанъ въ приложеніи къ „Журналамъ Совѣта Академіи за 1902 годъ“, с. 443—464.

ной кафедрѣ г. Кововаловъ былъ командированъ Совѣтомъ Академіи на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ онъ пробылъ осенній семестръ 1901 года. Весенній семестръ 1902 года онъ провелъ въ занятіяхъ на томъ-же факультетѣ С.-Петербургскаго Университета. По представленіи отчета о своихъ занятіяхъ греческой филологіей и прочтеніи пробныхъ лекцій ¹⁾, г. Кововаловъ былъ утвержденъ 15 сентября 1902 года исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ греческаго языка, которую и занимаетъ до сихъ поръ. Кромѣ того, съ 1907 года онъ состоитъ еще лекторомъ французскаго языка при Академіи ²⁾.

По прочтеніи секретаремъ Академіи *singulum vitae*, на кафедре взошелъ самъ диспутантъ и произнесъ рѣчь на тему: „*Психологія сектантскаго экстаза*“ ³⁾. Содержаніе ея, говоря кратко, сводится къ слѣдующему.

Религіозный экстазь въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ, по своей природѣ, есть не что иное, какъ „своеобразное *душевное волненіе*, разрядъ нервно-психическаго возбужденія, вызываемаго искусственными религіозными упражненіями, подготавлиаемаго суровымъ аскетическимъ режимомъ и обусловленнаго въ значительной мѣрѣ особенной психофизической организаціей самихъ сектантовъ—экстатиковъ“. Въ своемъ полномъ развитіи экстатическое волненіе сектантовъ слагается изъ трехъ моментовъ: умиленія, восторга и вдохновенія. Приступъ умиленія „нападаетъ“ на сектантовъ чаще всего подъ вліяніемъ неизъяснимой жалости, навѣваемой на нихъ трогательнымъ содержаніемъ проповѣди, слова Божія и особенно „распѣвцевъ“,—или подъ вліяніемъ живого чувства собственной грѣховности. Чувство жалости изливается въ обильныхъ слезахъ и нерѣдко сопровождается приливомъ необычайной взаимной нѣжности и любвеобилія. Чувство грѣховности вызываетъ у сектантовъ слезы сокрушенія, публичную исповѣдь грѣховъ и горячія мольбы о

¹⁾ Темы пробныхъ лекцій: а) „Миміамбы Герода“ и б) *Κοινή διάλεκτος*.

²⁾ Краткій біографическій очеркъ Д. Г. Кововалова см. въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1902 г., т. 3, с. 372—373 (*Б—скій*, Изъ академической жизни).

³⁾ Она напечатана полностью въ Декабрьской книжкѣ „*Богосл. Вѣстника*“ за 1908 годъ и вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Сейчасъ печатается 2-е изданіе.

прощеніи ихъ. Разрѣшившись слезами, изъявленіями нѣжностей, въ исповѣди и молитвѣ, чувства умиленной жалости и сокрушенія оставляютъ въ душѣ сектанта ощущеніе необыкновенной легкости, подъема духа и радости. Распространяясь на тѣло, такое самочувствіе вызываетъ ощущеніе чрезвычайной тѣлесной легкости и подвижности. Сектанты ощущаютъ, какъ тѣло ихъ становится необыкновенно легкимъ, какъ ихъ „сердце, всѣ жилы и ноги радуются“, „играютъ“, „всѣ члены приходятъ въ движеніе“, „начинаютъ веселиться“. Въ этомъ состояніи сектанты предаются неудержимому ликованію или восторгу: улыбаются, смѣются, плачутъ слезами радости и, наконецъ, не чуя подъ собою ногъ, пускаются въ „духовный плясъ“. По мѣрѣ усиленія тѣлодвиженій, растутъ и восторгъ сектантовъ. Одинъ хлыстъ, въ пылу экстатической пляски восклицалъ: „охъ, братцы, такая радость, что еслибы не потолокъ, то хватилъ бы выше звѣздъ небесныхъ!“ *„Такимъ крайне возбужденнымъ, восторженнымъ, бурнымъ, страстнымъ характеромъ экстатическая радость русскихъ сектантовъ рѣзко отличается отъ тихой, мирной, хотя и глубоко проникающей, радости различныхъ мистиковъ — созерцателей, религиознымъ идеаломъ которыхъ является исихія (ήσυχία), кѣтетизмъ. Наши сектанты—экстастики sui generis.“*—Наконецъ, восторженная радость, постепенно нарастая, доводитъ сектантовъ до полного изступленія, выхожденія изъ себя или экстаза въ собственномъ смыслѣ. Будучи „внѣ себя“, они безпрепятственно подчиняются психическому автоматизму: бредятъ, произносятъ вдохновенныя пророчества, галлюцинируютъ и т. д.—Придя въ себя, послѣ пережитого эмоциональнаго урагана, сектанты испытываютъ облегченіе, которое, однако, соединяется съ ощущеніемъ истомы, разбитости, подчасъ полного изнеможенія и даже временнымъ параличемъ. Описанное экстатическое волненіе, по сравненію съ обыкновеннымъ душевнымъ волненіемъ, отличается: а) чрезмѣрнымъ развитіемъ своихъ физическихъ и психическихъ элементовъ, совсѣмъ не соответствующимъ моменту, обуславливающему его наступленіе, б) неестественнымъ соотношеніемъ между различными элементами волненія и в) склонностью къ чрезмѣрной длительности. Наличие указанныхъ особенностей въ сектантскомъ экстазѣ позволяетъ охарактеризовать его, какъ *ненормальное* душевное волненіе, или частнѣе, какъ *ненормальную*

радость, въ виду господства въ немъ этой эмоціи. Подобнаго рода ненормальная радость встрѣчается и помимо сектантскаго экстаза: при опьяненіи алкоголемъ, гашимемъ и другими „ядами интеллекта“, въ эмоціональныхъ припадкахъ истеріи, въ кризахъ неврастениковъ и приступахъ маниакальнаго возбужденія у различныхъ душевно-больныхъ. Сами сектанты предпочитаютъ сравненіе своего экстаза съ алкогольнымъ опьяненіемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ненормальная радость возникаетъ на почвѣ повышенной нервной возбудимости. Такой возбудимостью отличаются и сектанты—экстатика. Обусловливается она многими и сложными причинами—болѣзнями, особенно нервными, плохимъ питаніемъ, а также и суровымъ аскетическимъ режимомъ. Въ заключеніе ораторъ заявилъ, что, высказывая въ данный моментъ свой взглядъ на природу изучаемаго явленія, онъ имѣлъ въ виду создать возможно болѣе благоприятныя условія для предстоящей *бесѣды* по поводу его описанія физическихъ явленій въ картинѣ сектантскаго экстаза,—описанія, составляющаго содержаніе подлежащей защитѣ диссертаци.

Бесѣда не замедлила наступить. Лишь только смолкли дружныя аплодисменты, покрывшіе рѣчь диспутанта,—началъ свои возраженія первый оффиціальный оппонентъ, профессоръ психологіи П. П. Соколовъ.

Прежде чѣмъ формулировать свои возраженія, П. П. Соколовъ указалъ на свое „затруднительное положеніе“, какъ оппонента. Его, какъ психолога по специальности, особенно интересуетъ вопросъ о психологической природѣ сектантскаго экстаза. Между тѣмъ, предстоящій научный споръ по необходимости долженъ вращаться лишь въ предѣлахъ проявленій физическихъ сектантскаго экстаза, изученіемъ которыхъ авторъ ограничилъ пока свою задачу и, такимъ образомъ, заранѣе создалъ для своихъ оппонентовъ нѣчто въ родѣ „забронированнаго бюджета“, недоступнаго для критики: при всякой попыткѣ коснуться вопросовъ, выходящихъ за отмежеванные въ диссертаци предѣлы, диспутантъ можетъ отвѣтить ссылкой на дальнѣйшія части своего труда.

Связанный необходимостью бесѣдовать лишь о томъ, что говорится въ диссертаци, П. П. темой для своихъ возраженій избралъ вопросъ: насколько содержаніе книги соотвѣтствуетъ ея заглавію („Религіозный экстазъ въ русскомъ ми-

стическомъ сектанствѣ“) и подзаголовку („Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза“)? Примѣнительно къ этой темѣ, онъ и построилъ свои главныя возраженія, предложивъ ихъ диспутанту въ формѣ двухъ довольно пространныхъ рѣчей.

1-е возраженіе П. П. Соколова. Всматриваясь въ физическую картину сектантскаго экстаза, описанную авторомъ, оппонентъ, по его словамъ, не находитъ въ ней экстаза. Высказавъ, далѣе, сожалѣніе, почему диссертация почти не касается вопроса о томъ, что такое религіозный экстазъ,—оппонентъ самъ перешелъ къ его рѣшенію. Чтобы опредѣлить понятіе экстаза, недостаточно опереться на простое этимологическое значеніе этого греческаго слова: его смыслъ настолько широкъ и неопредѣленъ, что, основываясь на немъ, подъ понятіе экстаза можно подвести самыя различныя явленія. Для этого нужно обратиться къ фактамъ, которые обыкновенно принято называть этимъ именемъ. За отсутствіемъ точныхъ описаній такихъ фактовъ въ дохристіанскомъ мірѣ, въ томъ числѣ у Плотина и Порфирія, и на православномъ востокѣ, гдѣ экстазъ никогда не игралъ сколько-нибудь значительной роли,—нужно обратиться за ними къ классической эпохѣ религіознаго экстаза—къ католическому средневѣковью. На западѣ въ средніе вѣка экстазъ былъ очень обычною формою религіозныхъ переживаній; онъ тамъ разрабатывался теоретически и культивировался практически, и нигдѣ не найти такого полного и точнаго изображенія не только психическихъ, но и физическихъ явленій экстаза, какъ въ біографіяхъ и автобіографіяхъ средневѣковыхъ католическихъ мистиковъ. Приведемъ, затѣмъ, подробныя описанія случаевъ экстаза у Кельнской экстастики Христины изъ Штумбеле (XIII в.), Катерины Сиенской (XIV в.), у Іосифа Коцертинскаго (XVII в.) и у св. Терезы (XVI в.),—П. П. сдѣлалъ, на основаніи ихъ, краткое описаніе и характеристику „физической картины экстаза“. Последняя, по его словамъ, не сложна и очень однообразна. Экстазъ иногда начинается летаргическимъ припадкомъ, напоминающимъ обыкновенный сонъ; затѣмъ, наступаетъ состояніе каталептической оцѣпенѣлости и безчувственности, и, наконецъ, слѣдуетъ періодъ экстатическихъ видѣній, во время которыхъ экстастикъ большею частью также продол-

жасть оставаться неподвижнымъ, хотя ригидность мышцъ и проходить. Послѣ этой стадіи видѣній постепенно начинается пробужденіе: члены экстастика мало по малу приходятъ въ движеніе, онъ начинаетъ говорить и реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія. Какъ видно, экстазъ поразительно сходенъ съ явленіями естественнаго сомнамбулизма и гипноза. Въ немъ легко различить даже три классическихъ періода гипноза, установленные школой Шарко: летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Экстазъ—это автогипнозъ, и физическая картина экстаза—картина гипноза. Въ этой картинѣ нѣтъ никакихъ рѣзкихъ формъ двигательнаго возбужденія, эксцессовъ, бурныхъ проявленій. Напротивъ, ея характерной, постоянной, типической чертой является полная неподвижность субъекта. Совсѣмъ иную картину описываетъ диссертация: вмѣсто каталептической или гипнотической неподвижности, она изображаетъ рядъ двигательныхъ явленій и эксцессовъ. Очевидно, „въ ней нѣтъ или почти нѣтъ экстаза“. Но что же въ ней есть?—Описание картины сектантскихъ радѣній, т. е. сектантскихъ религиозныхъ сораній со всею совокупностью совершающихся во время нихъ явленій. Разнообразныя явленія, изъ которыхъ слагается эта картина, можно соединить въ 4 группы: 1) явленія продромальныя, т. е. предшествующія экстазу, и слѣдующія за нимъ; 2) экстазогенныя, или вызывающія экстазъ; 3) обнаруженія сильнаго религиознаго энтузіазма и 4) самой банальной истеріи. Диссертация описываетъ ихъ по схемѣ развитія припадка „большой истеріи“.

Правда, въ своей рѣчи диспутантъ назвалъ сектантскій экстазъ особеннымъ (*sui generis*), вѣроятно, имѣя въ виду его коллективный характеръ и отсутствіе у сектантовъ индивидуальных формъ экстаза, въ родѣ наблюдаемыхъ у средневѣковыхъ мистиковъ. Но, во первыхъ, если сектантскій экстазъ радикально отличается отъ состоянія, которое обычно разумѣется подъ этимъ словомъ, то зачѣмъ называть его экстазомъ? Не лучше ли наименовать его религиознымъ возбужденіемъ или энтузіазмомъ? Во вторыхъ, нельзя отрицать наличности у сектантовъ подлинной, сомнамбулической формы экстаза въ индивидуальной формѣ. Случаи такого экстаза, въ видѣ явленій безпамятства, каталептической неподвижности, обморочныхъ и сноподобныхъ состояній, спо-

радикачески описаны въ самой диссертациі, напр. на стр. 3 (экстатическіе припадки Радаева), 61 (экстазы Кутырева), 68—79 (экстатическія позы распятія) и 129—130 (паденіе сектантовъ безъ чувства на землю послѣ прыганья и пляски). Эти случаи дѣйствительно напоминаютъ картину экстаза и могутъ быть названы этимъ именемъ. Всѣ остальное, о чемъ говорится въ книгѣ, не экстазъ, а лишь его обстановка.

Отвѣтъ Д. Г. Коновалова. Отсутствие въ диссертациі опредѣленія понятія религіознаго экстаза, о чемъ сожалѣетъ оппонентъ, допущено авторомъ вполне сознательно и намѣренно, сообразно съ планомъ всего изслѣдованія. Иное дѣло имѣть опредѣленное понятіе о томъ, что такое религіозный экстазъ, другое—давать его опредѣленіе. Тогда какъ перваго вправѣ требовать отъ автора, пишущаго о проявленіяхъ религіознаго экстаза въ средѣ мистическаго сектантства,—второе для него совершенно не обязательно, какъ не входящее въ его прямую задачу. Сверхъ того, помѣщеніе вначалѣ книги особаго экскурса, посвященнаго разрѣшенію теоретическаго вопроса о сущности религіознаго экстаза, совершенно не гармонировало бы съ общимъ планомъ, положеннымъ авторомъ въ основу изложенія своего предмета: авторъ исходитъ отъ фактовъ, указываетъ сначала наглядныя примѣры сектантскаго экстатическаго возбужденія, описываетъ, затѣмъ, на основаніи ихъ картину послѣдняго. Теоретическіе выводы о природѣ изслѣдуемаго явленія, которые, естественно, должны базироваться на описываемыхъ фактахъ, и въ изложеніи должны слѣдовать за ними, а не предварять ихъ. У автора возникалъ вопросъ при описаніи „изступленныихъ“ тѣлодвиженій сектантовъ, не сдѣлать ли примѣчаніе относительно значенія термина „изступленіе“ или „экстазъ“, но, въ силу указанныхъ соображеній, онъ и отъ этого отказался.

Развивая свой взглядъ подробнѣе, диспутантъ, заявилъ, что назвать сектантскую религіозную экзальтацію „экстазомъ“ онъ имѣлъ право, помимо другихъ основаній, уже по одному тому, что сами сектанты называютъ ее „изступленіемъ“, т. е. экстазомъ. Вопросъ другой, правильно или нѣтъ такое названіе. Разборомъ этого онъ предполагалъ заняться въ той дальнѣйшей части своего труда, которая будетъ трактовать о психологической природѣ сектантскаго

экстаза; но оппонентъ своимъ возраженіемъ поставилъ его въ необходимость кратко отвѣтить на постановленный вопросъ и въ данный моментъ.

Какъ видно изъ предъявленнаго возраженія, оппонентъ отрицаетъ наличность экстаза въ физической картинѣ сектантскаго религіознаго возбужденія, какъ ее изображаетъ диссертация,—на томъ основаніи, что она является *противоположностью* по сравненію съ *физической* картиной религіознаго экстаза, наблюдавшагося у средневѣковыхъ и позднѣйшихъ католическихъ мистиковъ: тамъ рядъ двигательныхъ явленій и эксцессовъ, здѣсь, напротивъ, неподвижность субъекта. Для выясненія этой противоположности, онъ нарисовалъ, по даннымъ, извлеченнымъ изъ біографій и автобіографій упомянутыхъ мистиковъ, общую физическую картину религіознаго экстаза и опредѣлилъ послѣдній, какъ автогипнозъ.

Трудно оспаривать чрезвычайно важное значеніе для изученія экстаза приведенныхъ оппонентамъ классическихъ примѣровъ, вѣрность нарисованной картины экстаза и его истолкованія. Примѣры эти, особенно заимствованный изъ автобіографіи св. Терезы, общезвѣстны и, въ виду ихъ замѣчательной полноты, для западныхъ психологовъ съ давнихъ поръ неизмѣнно служатъ главнымъ источникомъ для изображенія экстатическихъ состояній, вмѣстѣ съ нѣкоторыми наблюденіями врачей, описанными въ разныхъ медицинскихъ журналахъ (*Annales médico-psychologiques* и др.) и сочиненіяхъ.

Но диспутантъ рѣшительно не видитъ основаній, почему именно только такую картину религіознаго автогипноза, какая наблюдалась у средневѣковыхъ и позднѣйшихъ католическихъ мистиковъ, слѣдуетъ считать единственно точнымъ и подлиннымъ изображеніемъ религіознаго экстаза вообще и, въ силу этого, отрицать наличность экстаза въ типичной и наиболѣе распространенной формѣ сектантской религіозной экзальтации. Вѣдь ссылка на особенную роль, какую игралъ религіозный экстазъ въ католическомъ средневѣковѣ, и на полноту описаній его, сохранившихся отъ тѣхъ временъ, не говоря уже о заключающемся въ ней преувеличеніи (на православномъ востокѣ, напр., экстазъ исихастовъ игралъ въ средніе вѣка не меньшую роль),—ни-

сколько не доказываетъ, что тамъ культивировался подлинный, настоящій, типичный экстазъ. Очевидно, нуженъ иной масштабъ для опредѣленія того, что такое настоящій экстазъ. Но гдѣ же его искать? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ анализа самаго термина „экстазъ“. Слово это греческое, оно выросло на греческой почвѣ. Въ виду этого, разъ дѣло идетъ о выясненіи смысла даннаго термина, необходимо прежде всего обратиться къ древнимъ греческимъ источникамъ, какъ бы они ни были скудны, а не къ позднѣйшему католическому средневѣковью, какъ это дѣлаетъ оппонентъ,—не смотря на то, что отъ средневѣковыхъ католическихъ мистиковъ сохранились очень подробныя и превосходныя описанія экстатическихъ состояній. Если дѣйствительно обратиться къ древне-греческимъ источникамъ, то окажется, что слово *ἔκστασις* означало тамъ вообще своеобразное *душевное* состояніе—„бытіе внѣ себя“, независимо отъ того, чѣмъ оно вызвано и въ какой внѣшней, физической формѣ выражалось: сопрягалось ли оно съ полной неподвижностью, или, наоборотъ, съ бурными тѣлодвиженіями, какъ у вакханокъ. Такое состояніе „бытія внѣ себя“, соединенное чаще всего съ бурными, восторженными тѣлодвиженіями, переживаютъ и наши сектанты-мистики въ моменты сильнаго религіознаго возбужденія. Вотъ почему и онъ, диспутантъ, счелъ себя въ правѣ назвать это возбужденіе, заканчивающееся изступленіемъ,—именемъ *экстаза*.

При такой постановкѣ дѣла, вполне опредѣляется спорное отношеніе между экстазомъ нашихъ сектантовъ и средневѣковыхъ мистиковъ: это—двѣ параллельныя, но не исключаящія другъ друга *разновидности* (стеническая и астеническая) одного и того же явленія, двѣ формы экстаза, различающіяся между собой до противоположности съ физической стороны, но однородныя по существу съ психической, поскольку въ обѣихъ на лицо главный опредѣляющій признакъ — особое душевное состояніе „бытія внѣ себя“. Такимъ образомъ, описанная оппонентомъ форма средневѣковаго экстаза, по мнѣнію Д. Г., не должна разсматриваться, какъ единственно типичное и подлинное выраженіе существа экстаза *вообще*, но лишь какъ одна разновидность послѣдняго. Эта разновидность—*рѣзко патологическая*. Ее слѣдуетъ называть каталептическимъ или сомнамбулическимъ экстазомъ. Въ дис-

сертаціи, дѣйствительно, пока „почти нѣтъ“ описанія этой разновидности, такъ какъ она рѣдко встрѣчается у сектантовъ, хотя и не чужда послѣднимъ даже въ своей чистой формѣ. Напр., въ одномъ судебномъ дѣлѣ о Самаркандскихъ хлыстахъ подробно разсказывается, какъ сектантка Яшина въ религиозныхъ собраніяхъ и внѣ ихъ самопроизвольно *засыпала*, становилась какъ бы „мертвой“ или „каменной“; руки и ноги у ней не сгибались, глаза были закрыты. Тогда къ ней подходилъ сектантъ, клалъ на ея грудь евангеліе, бралъ за руку и обращался къ ней съ вопросами. При этомъ у спящей измѣнялось дыханіе и лицо: первое становилось тихимъ, не похожимъ на дыханіе спящаго человѣка, а второе—свѣтлымъ, какъ будто нарисованнымъ на картинѣ. Наконецъ, Яшина начинала отвѣчать на вопросы собесѣдника отъ имени св. Духа. Очнувшись, она „никогда не помнила, что говорила во снѣ“. Вотъ картина одной изъ разновидностей сектантскаго экстаза, совершенно тождественная съ описанной оппонентомъ. Въ ней также не трудно различить три фазы гипноза по схемѣ Шарко—летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ, съ послѣдующей амнезіей. Эта сомнамбулическая разновидность сектантскаго экстаза, вмѣстѣ съ другими (экстазомъ въ чистой формѣ припадка большой истеріи, начинающимся паденіемъ сектанта на землю, и въ формѣ такъ называемаго „обмиранія“ или синкопальнаго припадка истеріи), будетъ описана авторомъ во второй части изслѣдованія, которая, какъ видно изъ предисловія, будетъ трактовать о „природѣ и разновидностяхъ сектантскаго экстаза“.

Принявши одну изъ разновидностей экстаза (сомнамбулическій экстазъ) за экстазъ вообще и не находя такой разновидности въ диссертации, оппонентъ естественно, приходитъ къ выводу, что въ ней нѣтъ экстаза, и задается вопросомъ: что же описано въ ней подъ именемъ „религіознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ“? и отвѣчаетъ, что описаны по схемѣ „большой истеріи“ разнообразныя проявленія коллективнаго религіознаго *возбужденія* или *энтузіазма*, царящаго въ сектантскихъ собраніяхъ, короче говоря, „картина сектантскихъ радѣній“.

Въ отвѣтъ на это утвержденіе оппонента, диспутантъ замѣтилъ слѣдующее. Подъ радѣніемъ у сектантовъ разумѣю

искусственныя религіозныя упражненія (молитва, чтеніе писанія, пѣніе, искусственныя тѣлодвиженія и т. п.), имѣющія цѣлью вызвать тѣ автоматическія проявленія нервнаго возбужденія, которыя описаны въ книгѣ. Говоря объ этихъ послѣднихъ явленіяхъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду описывать исключительно коллективное религіозное возбужденіе сектантовъ. Его прежде всего интересовали индивидуальныя переживанія сектантовъ въ экстазѣ, независимо отъ того, при какихъ условіяхъ послѣдній наступаетъ: за общимъ радѣніемъ, или наединѣ; и картина сектантскаго экстаза изображена имъ не только по описаніямъ коллективнаго, но и индивидуальнаго, одиночнаго экстаза, напр., по описаніямъ Радаева, Мавры Ермаковой и многихъ другихъ. Что же касается наименованій „религіозное возбужденіе“ и „энтузіазмъ“, то самъ авторъ въ своей книгѣ неоднократно пользуется ими для обозначенія описываемаго явленія, въ виду специфической природы сектантскаго экстаза—его возбужденнаго, восторженнаго характера. Но поставить одно изъ нихъ въ заглавіи книги, взамѣнъ слова экстазъ, онъ не рѣшился по слѣдующимъ соображеніямъ. „Религіозное возбужденіе“—понятіе слишкомъ широкое. Въ его объемъ, кромѣ экстаза и энтузіазма, входятъ всевозможныя виды религіозной эксцитаціи, не исключая самыхъ элементарныхъ, несложныхъ. Такимъ образомъ, оно обнимаетъ явленія, которыя авторъ пока не считаетъ предметомъ своего изслѣдованія. Кромѣ того, поставленное въ заглавіи книги, оно внушало бы мысль, будто въ ней рѣчь идетъ о какомъ-то исключительномъ, массовомъ религіозномъ броженіи или движеніи среди сектантовъ. Слово „энтузіазмъ“, напротивъ, суживало бы задачу автора: за ея предѣлами оказались бы тѣ многочисленныя проявленія сектантской религіозной экзальтаціи, которыя производятъ парализующее или угнетающее дѣйствіе на мышечную систему. Помимо того, самое слово „энтузіазмъ“, греческое *ἐνθουσιασμός*, буквально значитъ „боговдохновенность“ или „богоодержимость“ (*ἐνθουσίαω = ἐνθεον ὑπέσθαι*).—Наконецъ, замѣчаніе оппонента, будто физическія явленія религіознаго возбужденія сектантовъ описаны въ диссертациі по схемѣ припадка большой истеріи, также нуждается въ серьезномъ ограниченіи. Схема „трехъ періодовъ возбужденія“, принятая авторомъ, есть прежде всего схема.

развитія всякой сильной эмоціи, въ особенности ненормальной, осложняющейся истерическими явлениями. Если она имѣетъ нѣкоторое сходство съ той, которую изображали для истерическаго припадка Шарко и Рише, то объясняется это сходствомъ основныхъ моментовъ, по которымъ протекають въ своемъ развитіи какъ сильная эмоція, такъ и истерическій припадокъ. Автору хорошо извѣстно, что схема Шарко-Рише новѣйшими невропатологами не считается въ точности соотвѣтствующей дѣйствительному теченію истерическаго припадка. Кромѣ того, онъ самъ лично наблюдалъ въ нервной клиникѣ Московскаго Университета припадки большой истеріи и убѣдился воочію, что названная схема слишкомъ искусственна и отмѣчаетъ послѣдовательность движенія, не вполне согласную съ дѣйствительностью. Уже по одному этому основанію не рационально было бы съ его стороны примѣнять ее цѣликомъ къ описанію сектантскаго экстаза.

Въ заключеніе изложеннаго обмѣна взглядовъ на значеніе термина „религіозный экстазъ“, проф. П. П. Соколовъ, переходя ко второму возраженію, сказалъ: „Въ концѣ концовъ это лишь вопросъ терминологіи и чтобы не говорить съ Вами въ нашей дальнѣйшей бесѣдѣ на разныхъ языкахъ, сохранимъ названіе *экстаза* не только за индивидуальными религіозными переживаніями сомнамбулическаго характера, но и за коллективными формами религіознаго возбужденія“.

(Окончаніе слѣдуетъ).
